

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

КРУПНОКАЛИБЕРНЫЙ
УКОЛ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Крупнокалиберный укол

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Крупнокалиберный укол / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-94361-6

Над территорией Сирии сбит российский вертолет. За тела погибших летчиков местные экстремисты требуют огромный выкуп. Вернуть останки героев, а заодно доставить в район боевых действий новые образцы военной робототехники поручено группе спецназа ГРУ, собранной из проштрафившихся офицеров-разведчиков. Бывалым спецназовцам предстоит необычная и очень опасная работа, о настоящей сложности которой известно только высокому начальству и еще... опытному и коварному полковнику американских спецслужб, действующему на стороне террористов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94361-6

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Самаров

Крупнокалиберный укол

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

Командир боевой группы частной военной компании «Волкодав» Сергей Ильич Лесничий не так уж и давно вернулся из первой командировки в сирийскую пустыню. Он хорошо знал положение, сложившееся в этой стране, предполагал, что вскоре последует новая поездка туда, и даже вслух предрекал ее. Честно говоря, Лесничий рассчитывал при этом получить хотя бы месяц на отдых для группы.

Однако с этим не сложилось. Бойцы расслаблялись всего-навсего неделю.

Уже на следующий день после выхода на службу командир ЧВК полковник Селиверстов пригласил их всех к себе в кабинет. Обычно такое событие предвещало новую командировку.

Впрочем, тут уже сложилась некая традиция. Перед каждой такой вот поездкой с волкодавами делился профессиональными секретами генерал Трофимов из СВР. Сейчас в кабинете Селиверстова его не было, хотя присутствовал заместитель командира ЧВК полковник Самохвалов.

– Я подумал, товарищ полковник, что нас ждет новая срочная операция, – сказал Лесничий, показывая голосом, как же он разочарован своей очевидной ошибкой.

– А ты думаешь, Сергей Ильич, что мы с полковником Самохваловым позвали вас чайком побаловаться? – хмуро осведомился полковник Селиверстов. – Правда, Виктор Никитич обещал сегодня по какому-то особому рецепту зеленый чай заварить. Но это потом...

– Перед обедом, – подтвердил свое обещание полковник Самохвалов. – Если понравится, научу. Но вы, наверное, в Сирии зеленым чаем и без меня обпились. Вам наверняка чего-то другого хочется. Извините уж, водки для вас не припас.

– Товарищ полковник!.. – осуждающим басом произнес Иващенко с высоты своего роста. Получилось, что это самое осуждение слетело почти с потолка.

– Знаю, что не балуетесь, – примирительно заметил полковник Самохвалов.

Полковник Селиверстов смотрел по-прежнему хмуро, но вопрос Лесничему все же задал:

– А по какой причине ты, Сергей Ильич, решил, что мы пригласили сюда группу вовсе не по поводу новой операции?

– Я не вижу здесь генерала Трофимова. Привык уже к тому, что перед каждой новой операцией он делится с нами информацией.

Селиверстов хмыкнул себе под нос, посмотрел на часы и заявил:

– Уже и задержаться генералу не разрешают! Ну и младшие офицеры у нас пошли. Строгие! Спасу нет! Сейчас придет твой генерал, если тебе собственной службы мало и без СВР ты жить не можешь. Что, данных ГРУ не хватает?

– Хватает, Георгий Игоревич, но справедливости хочется...

– Какой такой справедливости?

– На все американские ЧВК работают сразу и ЦРУ, и ФБР, и АНБ, и еще куча разных спецслужб, каждая с бюджетом большим, чем у всего нашего оборонного министерства. Нам тоже не помешала бы паритетная поддержка. А то обидно становится.

– Приедет Трофимов и данные свои привезет. А к зеленому чаю привыкайте. Черный для вас в Сирии никто отдельно заваривать не будет.

– Значит, опять в Сирию?

– Значит, опять в Сирию. Только суть новой командировки другая. Трофимов все расскажет. Он в курсе всех дел. Я – еще не совсем. Давайте немного подождем.

Вскоре за окнами послышался звук автомобильного двигателя.

Виктор Юрьевич Иващенко, пользуясь своим ростом, просто вытянул шею и посмотрел в окно, даже не приподнимаясь со стула.

– Генерал Трофимов на «Тигр» пересел. Сам за рулем... Машина, наверное, нравится. Мне она тоже кажется весьма приличной, хотя и несколько тяжеловатой. Главное, я там помещусь без проблем, и голову наклонять не придется, – проговорил он.

Виктор Иванович Трофимов, которого волкодавы ни разу не видели в генеральском мундире, вошел в кабинет Селиверстова и сказал:

– Извините, задержался. Жуткие пробки на дорогах. Машины в такую жару ездить не хотят. А люди не желают в городском транспорте париться. Приходится больше стоять, чем ехать.

На генерале была светлая рубашка с коротким рукавом. Он ухитрился так поднять и согнуть руку, что смог вытереть им пот с лица.

Жарко было действительно всем, но другие терпели и пот не вытирали.

Полковник Селиверстов привычно встал, освобождая генералу место во главе стола. Поднялись и все остальные, по армейской привычке, вьедшейся в плоть и кровь, приветствуя старшего по званию.

Не важно, что этот человек относился к совсем другому ведомству, а сами волкодавы уже официально считались бывшими офицерами, даже не отставниками. Они имели полный комплект гражданских документов, выписанных на чужое имя, все были поставлены на воинский учет по месту жительства. Кто-то числился там сержантом железнодорожного строительного батальона, другой вообще рядовым мотострелком, третий водителем грузовой машины в звании ефрейтора. Главное разведывательное управление всегда отличалось предусмотрительностью и неплохо умело маскировать людей, нужных ему.

Все волкодавы как раз к таким и относились. Да, их использовали, но они против этого нисколько не возражали и задания выполняли так, как умеют это делать офицеры спецназа ГРУ, пусть и бывшие.

Генерал Трофимов, как обычно, привез с собой тонкую папочку с документами. Виктор Иванович устроился в офисном кресле за столом. Сначала он вытащил и нацепил на нос старомодные очки в круглой роговой оправе, потом достал из своей папочки документы и зачем-то разложил их по столу отдельными листами. После этого он поднял взгляд на волкодавов, которые терпеливо ждали, что скажет генерал.

– Конечно, жалко, что вы уже вернулись, – неторопливо проговорил он. – Если бы были еще на месте, то могли бы получить задание прямо там, а о техническом обеспечении ГРУ позаботилось бы. Но так уж по времени получилось, что произошло все, когда вы уже в Москве отдыхали.

Лесничего подмывало спросить, что именно случилось, когда волкодавы отдыхали в Москве, но он удержался, справедливо полагая, что Трофимов сам это сообщит. Ведь генерал прибыл на базу ЧВК именно с этим вопросом.

Виктор Иванович кашлянул в кулак и продолжил:

– Телевизор вы, я полагаю, иногда смотрите.

– Разве что иногда. В основном когда он выключен, – сообщил Иващенко. – В другое время это неинтересно. Кроме того, мы люди приличные и всякой пошлятиной не интересуемся.

– Тогда в Интернете новости читаете.

– Это бывает чаще, – за всех ответил штатный компьютерщик группы Егор Суматоха.

– В любом случае вы знаете, что в Сирии, в районе Алеппо был сбит наш вертолет «Ми-8», доставлявший гуманитарную помощь местным жителям. В нем находились шесть офицеров – три члена экипажа и столько же пассажиров, сотрудников Центра по примирению враждующих сторон в Сирии. При падении вертолета все погибли. Тела их захвачены боевиками какой-то малочисленной группировки, ранее нам неизвестной. Могу сказать, что Соединенные Штаты поддерживают ее, называют оппозицией президенту Сирии Башару Асаду.

– Хороша оппозиция, которая сбивает российский вертолет! – проговорил Лесничий. – Об этой трагедии мы, разумеется, слышали. Но не знаем подробностей.

– Вот я для того и приехал к вам, чтобы изложить их, – сухо ответил генерал.

– А как был сбит вертолет? – задал вопрос снайпер группы Емельян Величко.

– Наши эксперты не согласны с диванными генералами из Интернета. Те утверждают, что вертолет, скорее всего, был сбит из крупнокалиберного пулемета. Или же работала зенитная установка ЗУ-23-2. Таковые у террористов действительно имеются. Но в этом случае «Ми-8» смог бы совершить посадку в режиме авторотации. Нет, вертолет после частичного разрушения в воздухе рухнул на землю. Это обычно происходит после попадания ракеты. Нам известно, что стационарных и мобильных ракетных зенитных установок у террористов нет. Остается предположить, что вертолет был сбит из ПЗРК «Стингер», которых у бандитов хватает. Конечно, сразу встает вопрос о том, как именно они к ним попадают. На него можно дать великое множество ответов. Возможны как прямые поставки со стороны спонсоров из США, так и косвенные от монархий Персидского залива, которые давно и прочно поддерживают террористов. Эти режимы закупают оружие в США, якобы для своих нужд, и отправляют его бандитам. Американцы при этом закрывают глаза на то, что договор на поставку традиционно запрещает реэкспорт в третьи страны, тем более в воюющие. Этот момент обязательно входит отдельным параграфом в любой договор о продаже оружия. Но там имеется множество оговорок, которыми американцы удачно пользуются. Они разрешают такую продажу себе, но запрещают ее другим. Однако мы отклонились от темы. Давайте вернемся к нашему вертолету. Нет возражений? – Трофимов выдержал паузу, за время которой внимательно посмотрел на каждого из волкодавов.

– Никак нет, товарищ генерал, – за своих подчиненных ответил полковник Селиверстов.

Генерал Трофимов хорошо владел методом, применяемым практически всеми опытными лекторами и преподавателями. Тихий голос всегда слушается с напряжением, которое, в свою очередь, автоматически вызывает повышение внимания. В результате люди хорошо запоминают то, что им было сказано.

Поэтому дальше Виктор Иванович говорил едва ли не шепотом:

– Эта группа так называемой оппозиции предлагает передать нам тела шести офицеров за компенсацию. Попросту говоря, террористы продают их. Они требуют по миллиону долларов за каждого. Сумма, в принципе, для правительства не такая и большая, чтобы ее невозможно было выплатить. Тем не менее на самом верху принято решение не идти на поводу у террористов, использовать войска специального назначения. Иначе начнется настоящая охота за нашими вертолетами, особенно теми, которые выполняют гуманитарные миссии и не имеют вооружения. Сначала предполагалось использовать спецназ ГРУ или ВДВ. Но в том и в другом варианте это была бы регулярная армия, а с этим есть определенные сложности. Ведь наши сухопутные силы в сирийском конфликте не участвуют. Не считая военных советников, разумеется. Но обсуждение не зашло в тупик. Появилось предложение использовать какую-то отдельную мобильную офицерскую группу, укомплектованную специалистами высшего класса. Потом, на обсуждении вопроса в генеральном штабе, командующий войсками спецназа ГРУ вспомнил о частной военной компании «Волкодав», боевой состав которой только что вернулся из той же Сирии. Командование ухватило за эту идею. Таким вот образом и был быстро решен этот вопрос. Осталось только получить согласие самой группы, поскольку ЧВК «Волкодав» не является государственной структурой, подчиняющейся Министерству обороны или какому-либо иному. В случае получения вашего согласия я передам вам все материалы по данному делу. Их все равно следовало готовить, кому бы ни выпала честь выполнять задание. Этим занималась Служба внешней разведки Российской Федерации. Теперь я с материалами здесь и официально спрашиваю, согласны ли вы принять участие в операции по возвращению тел погибших вертолетчиков на Родину. Итак?..

– Мы согласны, – за всех ответил полковник Селиверстов.

Сергей Ильич промолчал. Он не хуже, даже, может быть, и лучше генерала Трофимова знал, как формировалась его группа, какими методами набирался личный состав и почему дело обстояло именно так. Тогда самому Лесничему была организована подстава, завершившаяся смертью человека, который среди прочих напал на тогдашнего старшего лейтенанта спецназа. После этого накануне суда арестанту был устроен побег.

Все остальные бойцы группы тоже были когда-то офицерами спецназа. С помощью полковника Селиверстова они бежали из мест заключения и поступили на службу в ЧВК.

Теперь эти люди, вчерашние заключенные, официально по сию пору находящиеся в бегах, прекрасно понимали всю недвусмысленность своего положения. Они должны были безоговорочно выполнять любые приказы командования, если хотели оставаться на свободе. Откажешься, и следственные органы очень даже быстро тебя найдут.

Об этом открыто не говорилось, но никто не сомневался в том, что так и будет. Если командир ЧВК говорил за всех, что они согласны, то возражений никогда не следовало. У волкодавов срабатывало пресловутое чувство самосохранения. Да и дураков среди них не было.

– Вот и отлично! – бодро, как юный пионер с красным галстуком, сказал генерал Трофимов.

Можно было подумать, что он сомневался в ответе. Или кто-то другой. Где-то там, на самом верху.

– Операция уже разрабатывается? – спросил Лесничий.

Трофимов посмотрел на Селиверстова, показывая, что этот вопрос не входит в его компетенцию.

Полковник утвердительно кивнул и заявил:

– Оперативный отдел диверсионного управления должен был уже приступить к работе. Вы данные им, товарищ генерал, переслали?

– Еще вчера вечером.

– Значит, вчера вечером они и начали. В связи со срочностью, подозреваю, всю ночь сидели, сводили воедино оперативные данные, сведения, полученные от нашей и сирийской разведки, искали самый выгодный вариант. Исходя из того, что известно мне, товарищ генерал, хотел бы задать один вопрос. Я слышал, что у нас в этой операции серьезный оппонент, не так ли?

– Да, весьма серьезный. Полковник Хорхе Джонстон-младший. Вы же, Георгий Игоревич, кажется, имели с ним дело.

– Так точно, товарищ генерал. Только тогда он еще был капитаном. Дело происходило в Афгане и тоже было связано со «Стингерами». Джонстон по-прежнему служит в ЦРУ?

– Нет, теперь он официально считается сотрудником Госдепартамента США, является офицером по особым поручениям. Только я слышал уже много раз, что человек, служивший когда-то в ЦРУ, до конца своих дней не может расстаться с этой почтенной конторой. У американцев все как у нормальных людей. У нас тоже не бывает отставных разведчиков. На пенсии – такое случается. Но подобные персоны – это совсем не отставники. А полковник Джонстон-младший еще и не пенсионер. Только намыливается, как мне сказали, уйти, хотя по годам выслужил уже свое.

– Меня он наверняка не знает и не помнит, хотя тогда много гадостей наделал. Я в те времена взводом командовал и лично обещал выхлопотать отпуск тому из солдат, который этого капитана пристрелит. Не попался он на прицел, хотя очень длинный был. По ориентировке рост, если мне память не изменяет, сто девяносто пять сантиметров. Всего на сантиметр ниже нашего Иващенко. Подловить его мы так и не смогли. Осторожный был.

– Главное, Георгий Игоревич, в том, что вы его помните, знаете, на что он способен, в чем его слабости. Думаю, своим волкодавам все это расскажете.

– Чем он в настоящее время занимается? – продолжил расспросы Селиверстов.

– Забавная задача для разведчика, тем не менее это так. Он занят формированием имиджа нынешней вашингтонской администрации. Работа рассчитана не на внешний политический рынок, а на собственно американское население в преддверии выборов президента. Но полковник считает, что только успешное повышение внешнего рейтинга в современной обстановке способно обеспечить успех представителя демократической партии. Многие политологи, эксперты из среды демократов с ним согласны, хотя считают такую задачу невыполнимой. Нынешняя администрация США слишком много нагадила себе в карман. Но это их проблемы. А волкодавы должны постараться совсем испортить эту демократическую репутацию.

– Нам, товарищ генерал, есть дело до их выборов? – спросил Иващенко.

– До самих выборов нам дела нет. Демократы или республиканцы – лично я считаю, что все они одного поля ягода, и физиономии у них мазаны дерьмом, зачерпнутым из одного горшка. Трудно угадать, с кем нам будет проще. Но проблема в том, что демократическая партия пытается добиться успеха именно за счет России. Создать повод для обвинения, выдать какой-то резкий, заранее просчитанный жест. Все это только ради того, чтобы поднять уважение к своей партии. А этот самый жест может быть любым. Вплоть до бомбардировки Дамаска и резиденции президента Асада. Насколько я знаю, американская сторона опять планирует поднять вопрос о применении химического оружия. Тема не новая, но всегда острая. Ведь такую мерзость невозможно использовать выборочно, направлять против кого-то конкретно. Обязательно будут жертвы среди мирного населения, которым террористы в Алеппо прикрываются как живым щитом. Такой поворот событий сорвет всю операцию по освобождению Алеппо. А удача в этом деле станет мощным ударом по силам оппозиции, которые поддерживает Вашингтон. У нас, к сожалению, не слишком много материалов. Я оставляю их вам для изучения. Они добыты нашей агентурой и, конечно же, носят закрытый характер. Поэтому, Георгий Игоревич, я могу передать их вам только под роспись. О том, что эти сведения не могут уйти куда-то на сторону, я даже не говорю. Вы все сами понимаете. А дело нам есть до тел погибших офицеров. Я оставляю вам номер телефона в Сирии. Если все пройдет удачно, то вам следует туда позвонить, и тела заберут. Это номер диспетчера, дежурящего на нашей авиационной базе.

Глава 2

Сначала материалы изучал, естественно, командир ЧВК. Но Сергей Ильич Лесничий, руководивший боевой группой волкодавов, видел, что документов было немного. Поэтому он старался не отлучаться из штаба, ожидал, когда полковник Селиверстов его вызовет.

Тот сделал это, посадил Лесничего за свой стол и попросил его позвонить компьютерщику группы бывшему лейтенанту Егору Петровичу Суматохе. Тот должен был сесть за компьютер, воспользоваться своими хакерскими навыками и собрать как можно больше сведений о полковнике Хорхе Джонстоне-младшем. Самому командиру боевой группы следовало заняться изучением материалов, предоставленных Службой внешней разведки.

Бывший старший лейтенант спецназа ГРУ по характеру был человеком дотошным, тщательным во всех делах. Поэтому он сначала мельком просмотрел все материалы, но не стал откладывать в сторону то, что было общим и не содержало конкретики, так необходимой ему. Потом Лесничий принялся читать все по порядку.

Он начал с резолюции Совета Безопасности ООН № 2118. Она запрещала Сирии производство, хранение и использование химического оружия и накладывала на страну обязательства по его уничтожению. После этого Сергей Ильич стал знакомиться с документами, поясняющими исполнение данной резолюции.

Согласно им, двадцать третьего июня две тысячи четырнадцатого года с территории Сирии была вывезена последняя партия химического оружия для его последующей ликвидации. А четвертого января две тысячи шестнадцатого года Организация по запрещению химического оружия заявила об уничтожении в Техасе последних семидесяти пяти пластиковых цилиндров фтороводорода.

А началось все, как ни странно, в море. На специально оборудованном судне «Кейп Рэй» было уничтожено шестьсот метрических тонн перекурсора зарина и иприта. Этот процесс занял сорок два дня, хотя, согласно плану, должен был проходить куда дольше, в течение аж шестидесяти суток. Все это время судно находилось в открытом море.

Следующий документ был просто аналитической запиской. Он заострял внимание читателя на одном весьма странном факте. При уничтожении контейнеров с фтороводородом на заводе в Техасе присутствовали представители Организации по запрещению химического оружия и России. Наша страна выступала гарантом утверждения договора с сирийской стороны. Все подписали акт на уничтожение.

Но вот на корабле «Кейп Рэй» российских представителей не было. На судне присутствовали только инспекторы ОЗХО и представители США. Акт был подписан лишь сотрудниками американского министерства обороны, компании, осуществляющей уничтожение, и этими инспекторами.

За сорок два дня, в течение которых длился процесс, любое судно имело полную возможность пришвартоваться к «Капитану Рэю» и уплыть с частью груза в неизвестном направлении. Ничто, как считал аналитик, составлявший записку, изучаемую Сергеем Ильичом, не говорит о том, что такое произошло. Но налицо сама возможность подобного события.

Немалую настороженность у автора записки вызывал тот факт, что из шести инспекторов ОЗХО в течение двух месяцев двое погибли в автомобильных катастрофах, да еще и весьма схожих. У того и у другого инспектора при движении на высокой скорости лопнули тормозные шланги. Обе аварии произошли в течение недели. Только одна в Германии, а вторая в Норвегии.

Члены семей погибших видят в этих трагедиях только стечение обстоятельств.

Данных о том, что погибшие инспекторы готовили какое-то заявление для прессы, не имеется. Но это не дает повода категорично утверждать, что они не собирались этого делать.

Следующая аналитическая записка была посвящена личности самого полковника Хорхе Джонстона-младшего. Негласная проверка, проведенная силами Службы внешней разведки, говорила о том, что во время гибели инспекторов ОЗХО полковник выезжал куда-то за пределы США. Его имени в списках лиц, совершавших авиаперелеты, не обнаружилось. Но это вовсе не говорило о том, что Хорхе Джонстон-младший не находился в определенное время ни в Германии, ни в Норвегии.

Этот бывший сотрудник ЦРУ обладал немалыми возможностями. Их предоставили ему две мощные организации. В одной из них он служил раньше, а во второй числился сейчас. Наивно было бы предполагать, что такой человек будет отправляться в зарубежные поездки, связанные с противоправной деятельностью, используя при этом свои настоящие документы.

Тем не менее имелись данные о том, что норвежский инспектор Юхан Бьернстад за два дня до смерти встречался с каким-то иностранцем. По словам жены Юхана, с этим человеком он познакомился во время поездки в Сирию. А при изъятии с сирийских военных складов и баз химического оружия, по данным Госдепартамента США, полковник Джонстон-младший находился в этой стране и контролировал процесс вместе с инспекторами ОЗХО.

Значит, инспектор Бьернстад должен был быть знаком с полковником. Очень даже резонно допустить, что именно с ним он встречался накануне своей гибели.

Список всех граждан США, посетивших в тот период Норвегию, Службе внешней разведки добыть не удалось, поскольку тогда же происходила ротация личного состава на базах НАТО. Эти списки были засекречены и закрыты для прямого доступа. В том числе и в консульских службах США.

Тут в кабинет Селиверстова вместе с самим полковником вошел штатный компьютерщик группы бывший лейтенант Суматоха.

– Здесь сядешь, Егор Петрович, или в учебный класс пойдешь? – осведомился Селиверстов.

– Лучше в свою комнату. В тишине и спокойствии на ноутбуке поработаю. Мне бы только данные. Кого искать и в связи с чем. Желательно электронные контакты. Но если их нет в наличии, то и не надо. Я сам поищу.

Лесничий написал на бумажке данные на полковника Хорхе Джонстона-младшего, передал листок Суматохе.

Тот глянул и удовлетворенно сказал:

– Военный...

– Даже хуже, – заявил Селиверстов. – Офицер ЦРУ. Сейчас служит в Госдепартаменте США.

– Главное, имеет воинское звание. Легко найти данные. В США только два основных пенсионных фонда для военных – государственный и частный. Второй более популярен. Есть еще мелкие. Они предназначены для лиц, получивших инвалидность в результате заболевания или ранения. Начну с основных, выйду на карточку пенсионного страхования. Она в США электронная. Через нее смогу проверить банковские карточки, какие имеются у этого полковника. А уже через них – перемещения, которые так интересуют командира. И в Германии, и в Норвегии, и в Сирии. Я не думаю, что за границей он пользовался особыми банковскими карточками. Но проверю все, сколько их у него есть. Поищу и карточки на чужие имена.

– Настоятельная просьба из ГРУ – не использовать их сервер ни в каком виде. И суперкомпьютер не трогать. Обойдешься, Егор Петрович, без него?

– А что такие строгости, товарищ полковник? Суперкомпьютер все равно не наследит, он слишком быстр для любой защиты.

– Янки уже пытаются обвинить нашу разведку во вмешательстве в систему выборов в США. Тоже, дескать, группа хакеров из ГРУ работала, когда вскрывала сервер демократической партии.

– Да, я слышал об этом.

– ГРУ ни сном ни духом о той группе хакеров. Так что лучше не бросать лишний раз тень на плетень. Ситуация сейчас сложилась, мягко говоря, деликатная.

– Обойдусь. Я тут приноровился уже через суперкомпьютер метеоцентра на Багамских островах работать. У них машина мощная, хотя прогнозы, я смотрел, она считает плохо. Предсказывала тайфун, а он не пришел. Там компьютер и на синоптиков работает, и на сейсмическую станцию. А у двух нянек дитя без глаза. Защита примитивная. Синоптики с сейсмологами пытаются друг на друга расходы свалить. А я здесь, честное слово, ни при чем. Ну так я пошел работать, да?

– Иди, – отпустил полковник компьютерщика.

Егор Петрович вышел.

– Суматоха, как и всегда, найдет что-нибудь интересное. А вы, товарищ полковник, что об этом персонаже скажете?

– Когда американцы начали снабжать духов своими «Стингерами», в то время новейшими, капитан Хорхе Джонстон-младший отвечал за безопасность этих поставок. Ты по возрасту эти события не застал, но тогда почти весь наш спецназ бросили на поиски этих «Стингеров». У нас ничего подобного на вооружении не имелось. Это было похоже на то, как американцы во время корейской войны охотились за нашими противотанковыми ружьями. Слышал историю?

– Слышал. Они их добыли, доработали и сделали крупнокалиберную снайперскую винтовку. Позже и наши стали делать их. Хотя такие хорошие, как их «Баррет», у нас почему-то не получают. Так наш снайпер говорит.

– Зато ПЗРК у нас куда лучше «Стингера». Но это все эмоции. А если говорить конкретно о полковнике Джонстоне-младшем, то обязательно следует заметить, что этот человек ради собственной карьеры идет на все. Он готов устранить каждого, кто, по его мнению, может ему помешать. Тогда же, еще в Афгане, Джонстон хотел скрыть то обстоятельство, что наши добыли несколько «Стингеров», уничтожив караван с оружием. Ради этого он пошел на уничтожение целого отряда духов, который осуществлял охрану каравана. Да и впоследствии, как мне говорили, этот тип предпочитал решать любую проблему с помощью пули. Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Он никогда не дожидался, чтобы проблема встала остро, и пресекал ее в самом зачатке. Убирал людей при первом подозрении на нелояльность себе. Именно по этой причине, я думаю, и возникли подозрения в убийстве двух инспекторов ОХЗО, которые могли что-то знать. Эти два убийства стали предупреждением остальным четверым инспекторам, которые хорошо его поняли. Кстати, тогда же, одновременно со смертью Юхана Бьерстада, там же, в Норвегии, был убит ударом топора инспектор полиции. Погиб еще и эксперт департамента криминалистической экспертизы, выбросился с тридцать шестого этажа. Естественно, его долго отскребали от асфальта. По странному совпадению инспектор и эксперт занимались смертью Бьерстада, но тогда в следственной прокуратуре Норвегии на это внимания не обратили. Убийство инспектора списали на заключенного-психопата, сбежавшего в то же время из тюремной больницы. Именно инспектор Бьерстад и отправил его за решетку. Этот заключенный якобы защищался от нападения соседей. Он зарубил топором всю семью, включая малолетних детей. Отбивался от них, так сказать. Орудие убийства подсказало направление поиска. Беглеца выследили, но он живьем не дался и застрелился. Что касается эксперта, то у того был обнаружен СПИД. Самоубийство для отца большого семейства выглядело вполне естественным делом. Оба эти случая, как говорится, были закрыты. Хотя, как пишут газеты, неясных вопросов тут оставалась целая куча. Я вот к чему это рассказываю. Допускаю, что Бьерстада убил полковник Джонстон-младший. Инспектор полиции и эксперт нашли какую-то улику, отмечающую случайность и недогляд за состоянием тормозной системы автомобиля. Полковник, ничуть не сомневаясь, не дожидаясь какого-то вывода, идущего враз-

рез с версией о несчастном случае, принял свои превентивные меры. Вот на этой его дурной привычке я и заостряю внимание. Для взрослого солидного разведчика это даже хуже, чем ковырять пальцем в носу. Характерный отличительный признак. Тебе, Сергей Ильич, следует иметь это в виду. Если только Хорхе Джонстон заподозрит, что вы против него что-то имеете или даже просто присматриваетесь к нему, то он сразу же будет принимать жесткие превентивные меры, вплоть до физического устранения. Это следует знать и опасаться. В Сирии, как ты сам знаешь, не всегда ясно, кто свой, кто чужой. Для методов Джонстона такая вот обстановка подходит как никакая другая. У меня все. Ты не закончил знакомство с документами?

– Никак нет, товарищ полковник. Если я мешаю, могу вам стол освободить, а сам где-нибудь в уголке пристроюсь.

– Нет-нет, сиди. Я пойду, пожалуй, к воротам. Там должны привезти шесть боксерских манекенов для тренировок боевых групп. Нужно встретить машину и направить на разгрузку. Дочитаешь бумаги, убери их в сейф и ключ мне принеси.

Полковник вышел, оставив на столе ключ от сейфа. Это было, конечно, большое доверие. Такое, которое не принято оказывать в ГРУ. Тем не менее Сергей Ильич не особо удивился. Он уже не раз сталкивался с таким проявлением доверия. Лесничий хорошо знал, что в сейфе полковника две полки. Нижняя имеет дополнительную дверцу с кодовым замком в дополнение к обычному. А верхняя полка окажется пустой, или же на ней будут лежать какие-то не секретные документы. Полковник Селиверстов прекрасно понимал, что такое сохранение режима секретности. Он никогда не пренебрегал порядком, выработанным за несколько десятков лет.

Сергей Ильич дочитал до конца все документы, привезенные генералом Трофимовым, и не стал засиживаться над ними. Тренированная память позволяла ему прочно запечатлеть в голове то, что было необходимо. Он всегда имел возможность вспомнить то, что нужно, не возвращаясь к документам.

Лесничий собрал разрозненные листы в аккуратную стопочку и положил в сейф, который, как и предполагал бывший старший лейтенант, оказался пустым. Сам сейф он закрыл и отправился искать полковника.

Сергей Ильич вышел из штабного корпуса, увидел небольшой грузовик около одноэтажного здания спортзала и направился туда. Полковник Селиверстов, как и обещал, находился там. Он получил от командира боевой группы волкодавов свои ключи и ушел.

А Лесничий отправился в сам спортзал, где командовал делами снайпер группы волкодавов бывший лейтенант спецназа ГРУ Емельян Герасимович Величко. Три солдата из роты охраны, присланные для работы, уже разгрузили манекены и установили их так, как Величко показал. Три стояли рядом с окнами, еще столько же – у противоположной стены, в тени.

Солдаты таскали воду и заливали ее в емкости под поясными манекенами. Эти фигуры должны быть тяжелыми, устойчивыми. Поэтому в каждый из них заливается восемьдесят литров воды или же засыпается такой же объем песка.

Сам Величко был занят важным делом. Он рисовал фломастером на манекенах, стоявших под окном, так называемые триггерные точки, по которым и следовало наносить удары, обрабатываемые на тренировке.

Сергей Ильич знал, что Величко был одним из немногих в стране носителей стиля «ядовитой руки». Тот основан как раз на ударах по точкам акупунктуры, вызывающих сильнейший болевой шок, или же по нервным окончаниям. Емельян Герасимович запросто мог ударом пальца или даже простым сильным тычком в конкретную область отправить человека на тот свет.

Сам командир боевой группы волкодавов знал, что для применения стиля «ядовитая рука» требуется многолетняя тренировка пальцев. Он считал, что она сильно закрепощает

кисть и сами пальцы, делает их менее чувствительными, снижает подвижность. Поэтому Лесничий предпочитал другой стиль.

Он работал с нгивара, парными палочками, остро заточенными на концах. Удары нгивара наносятся с обеих рук, иногда одновременно или один за другим, преимущественно по тем же самым точкам, что и в «ядовитой руке». Один удар палочкой способен вызывать такую боль, что противник теряет возможность сопротивляться. Второй удар делает болевой шок нестерпимым и лишает противника сознания.

Эти самые палочки Сергей Ильич всегда носил при себе, под каждой рукой, в небольших карманах. Они ни за что не цеплялись, легко вытаскивались оттуда и всегда были готовы к применению. Таким вот образом Лесничий сберег свои пальцы и оставил за собой право иногда играть на гитаре.

Случалось и так, что воспользоваться палочками было проблематично. В таких случаях бывший старший лейтенант запросто обходился без них. Он прекрасно умел работать кулаками и ногами. Ведь школа рукопашного боя спецназа ГРУ впитала в себя и использовала буквально все стили поражения противника.

– А для чего ты так далеко их расставил? – спросил командир, кивнув на манекены, красовавшиеся по обе стороны спортзала.

– На светлом месте – которые с точками. В тени, у противоположной стены, – без точек. Здесь потренируешься, отработаешь удар, зал переходишь и восстанавливаешь в памяти точку. Дальше действуешь на автоматике. Не каждый противник носит на своей физиономии обозначения тех мест, куда лучше бить. Да и в темноте иногда работать приходится.

Командир кивнул, соглашаясь с логичностью доводов своего снайпера и прекрасного рукопашника.

Он понаблюдал за работой Величко, потом подошел к манекену и нанес резкий удар основанием ладони сбоку в челюсть, в то самое место, где она соприкасается с желваками и легко ломается. При этом кончики пальцев Лесничего были напряжены и били в ухо.

Манекен от резкого удара качнулся на осевой пружине и вернулся на место, под удар локтем со второй руки. Он опять устоял.

– Балласт у него какой? – поинтересовался Сергей Ильич, проверяя свою память.

– Восемьдесят литров воды – значит, столько же килограммов. Производитель гарантирует, что этот красавец не опрокинется от удара силой до тонны. Если больше, то может и упасть. Но поднять его недолго. Потом можно снова бить в свое удовольствие. – Величко подтвердил, что память пока еще не подводит Лесничего.

– Именно в свое. Сомневаюсь, что манекен от этого процесса удовольствие будет получать.

Лесничий знал, что Величко давно выпрашивал у полковника Селиверстова такие манекены-тренажеры. Он объяснял ему все преимущества точечного удара перед атакой по площади. Полковник всегда соглашался с необходимостью такого приобретения, но все как-то у него то руки не доходили, то с финансами в ЧВК были проблемы.

Обустройство базы требовало значительных капиталовложений. Они, как всегда и везде, делились на первоочередные, самые неотложные, и те, которые не очень, то есть могли подождать. К тому же уже несколько раз поднимался вопрос о смене местонахождения базы волкодавов.

Сначала полковник Селиверстов даже нашел учебный центр отряда спецназа внутренних войск. Тот пока еще не вошел в Росгвардию, и его командование самостоятельно распоряжалось своими владениями.

Но сперва обсуждение вопроса, как это принято у нас, несколько затянулось. А потом базу волкодавов решено было просто оснастить современными средствами защиты террито-

рии. То есть подключить мощную электронную систему охраны. Тогда вопрос обмена базами отпал сам собой.

Помощь в этом деле ЧВК «Волкодав» взялась оказать одна из самых мощных и оснащенных всяческими техническими новинками силовых структур страны. Федеральная служба охраны выделила частной компании свое списанное оборудование – электронный периметр и кучу датчиков разной направленности. Все эти системы уже слегка устарели с точки зрения технического центра ФСО, но вот для волкодавов они были диковинными новинками.

Даже такая вещь, как разделение человека и животного при пересечении периметра, которое производила электроника, казалась им чудом. Раньше охранному взводу комендантской роты приходилось часто выезжать в какой-то отделенный уголок полигона, где с внешней стороны бродячая собака клала на забор лапу. Сейчас такие случаи прекратились. Хотя и неизвестно было, до какого времени.

Ведь работа против конкретного противника всегда вызывает его ответный интерес к тебе, в данном случае – к ЧВК «Волкодав». Это началось сразу после первой командировки в Новороссию, когда волкодавам удалось ликвидировать сильную американскую частную военную компанию. Янки не считали их равными себе, за что и поплатились.

Кроме того, была сорвана провокация, разработанная ЦРУ и украинскими спецслужбами, направленная против российской армии. В ходе этой операции люди в российской военной форме должны были захватить две атомные электростанции. Но вся эта затея опиралась на боевую группу американской ЧВК. Когда ее не стало, проводить провокацию стало некому.

Помимо всего прочего тогда же были захвачены и вывезены в Россию глава заморской ЧВК и полковник ЦРУ США, помогающий ему. Оба дали серьезные показания, которыми позже можно было оперировать в переговорах на международном уровне.

Вот после этого ЧВК «Волкодав» и заметили. Спецслужбы соседних недружественных России государств по наводке своих заокеанских союзников пытались собрать сведения о волкодавах. Тогда, после двух визитов иностранных спецназовцев, и возникла мысль о смене места расположения базы.

Но у спецназа издавна есть свой метод взаимодействия с противником. Чтобы узнать врага, его следует увидеть, то есть заманить к себе и захватить. Этот аргумент сыграл решающую роль.

А для безопасности и эффективности дальнейших действий решено было привлечь старое оборудование ФСО. Тем более что срок снятия секретности у этих штуквин еще не прошел. Штатные специалисты, работающие непосредственно на государство, просто перешли на самое современное оборудование, куда более высокого качества.

Руководство ЧВК «Волкодав» пока решило обходиться тем, что ему выделяли, поскольку менять базу никому не хотелось. Здесь было привычнее.

Кроме всего прочего, тут по собственным задумкам волкодавов было выстроено многое. Например, подземный тир, всю длину которого следовало преодолевать на время, на бегу, стреляя, совершая прыжки, прокаты на животе по длинному столу. Бойцы бросали и поднимали после переворота оружие. При этом они уклонялись от атак роботов-компьютеров, стремящихся попасть в них красящим шариком от пейнтбола. Вся конфигурация тира, имеющего не прямую, а извилистую коридорную форму, волкодавы просчитывали и придумывали сами.

Потом к ним сюда приезжали тренироваться даже бойцы прославленной «Альфы». Те не имели у себя такого тира, но хотели бы его завести. Командование этого подразделения даже готово было оплатить ЧВК часть затрат при условии передачи им копии проекта.

Как же можно было оставлять кому-то такую замечательную базу!

Глава 3

Штатный компьютерщик боевой группы волкодавов Егор Петрович Суматоха никогда не обижался, если его называли хакером. Он, по сути дела, таковым и был, только предпочитал называть себя оперативным хакером. Такое определение куда больше соответствовало действительности, поскольку Суматоха всегда выполнял оперативную работу по той теме, по которой должна была действовать группа. Он иногда умудрялся дистанционно, не отходя от компьютера, добывать больше сведений, чем могли предоставить группе агентурные отделы ГРУ и СВР, вместе взятые.

Так получилось и на этот раз.

Полковник Селиверстов позвонил Лесничему, когда тот находился на полигоне, где проходил испытание один из тех боевых роботов, которые волкодавам выделили после недавней командировки в Сирию.

– Сергей Ильич, приходи ко мне, – сказал он. – Егор Петрович уже кое-что сделал. Сам-то он, конечно, говорит, что только начал и добыл лишь самые первые сведения, но готов после доклада продолжить. Так что ты подъезжай. Мы с тобой послушаем Суматоху, а потом он опять колдовать будет.

В распоряжении Лесничего был грузовик, на котором он быстро добрался до штабного корпуса. Сергей Ильич просто встал на подножку со стороны водителя, чтобы не терять время на устройство в кабине. Он дал распоряжение, и водитель-ефрейтор быстро довез его. Берцы бывшего старшего лейтенанта не успели даже покрыться дорожной пылью, хотя она и сильно клубилась за задними колесами. Вскоре ему уже необходимо было спрыгивать с подножки.

– Отправляйся снова на полигон, можешь моим бойцам понадобится, – приказал Лесничий водителю и быстро пошел по дорожке в сторону штаба.

В это время на полигоне находились два бывших старших лейтенанта – заместитель самого Лесничего Виктор Юрьевич Иващенко и штатный шифровальщик Александр Аркадьевич Кравченко. Они осваивали управление танком-роботом.

Иващенко, выступавший в одной из последних операций как человек, больной игроманией, и в самом деле научился играть в компьютерные игры вполне сносно. Управление танком-роботом давалось ему легко, как, впрочем, и стрельба.

У Кравченко со стрельбой тоже получалось хорошо, может быть, даже лучше, чем у Иващенко. Но вот при вождении у него порой возникали проблемы, хотя сам он утверждал, что хорошо играет в военные игры и с танком справляется легко.

Тринадцатилетняя дочь Кравченко была буквально помешана на игровой танковой войне. Девчонка на полном серьезе мечтала стать командиром настоящего танка, когда вырастет.

Но ведь это в игре. Там танки, как в рекламе грузовиков, грязи не боятся. Люди, управляющие ими, вообще не понимают, что такое преграды.

Совсем другое дело – в действительности. Тут танк-робот, тем более сравнительно небольшой и далеко не такой сильный, как настоящий, рискует налететь брюхом на высокий камень так, что гусеницы окажутся не в силах сдвинуть машину с места. Он может зависнуть в этом вот совершенно нелепом положении, закопаться в песке, увязнуть в болоте.

На полигоне были специально насыпаны несколько довольно высоких дюн. Чуть в стороне находилось искусственное болото, в которое время от времени солдаты заливали воду. Они набирали ее из недалекого настоящего болота.

Кравченко не знал преград для танка в игре. Поэтому он постоянно умудрялся загнать робота в такое поганое место, откуда ему было без помощи со стороны не выбраться.

Такая вот интересная особенность товарища сильно раздражала Иващенко. Он наблюдал за Кравченко, контролировал его действия и выражал свое недовольство без всякого стеснения, громко, с обычным для себя размахиванием руками.

– Это на женщину можно забираться без раздумий. А танк тонкого ума требует! Чего это ты на такой каменистый подъем попер? – нравоучительно высказывался Иващенко своим густым басом, который в те моменты, когда Иващенко сердился, становился резким, словно рубленным на куски. – И это с одним танком ты задыхаться начинаешь. А что будет, когда их пять станет?

– Не пять, а четыре. Полковник говорил, что нам их именно столько выделили.

– Считаю меня за пятый танк. Но имей в виду, что у меня управление тугое. На таких типах, как я, только и учиться!..

Во время недавней командировки в Сирию волкодавам довелось сотрудничать с группой испытателей российских боевых роботов, возглавляемой офицером спецназа ГРУ. Тогда-то они впервые и встретились с таким мощным современным оружием, средством боевой поддержки, как танк-робот «Уран-9». Восхищение, которое волкодавы высказали командиру ЧВК, было совершенно естественным, нисколько не наигранным.

Полковник Селиверстов ничего не обещал своим людям, но сам заинтересовался. Он навел справки, потом подсуетился и сообщил бойцам, что вскоре частной военной компании будут выделены четыре танка-робота. Пока поступил только один для обучения.

Заодно ЧВК заплатила и за тренажер, помогающий обучаться управлению сразу несколькими танками-роботами. Но он должен был быть готов только после получения остальной техники. В последнюю то есть очередь.

Вопрос решился положительно так скоротечно во многом еще и потому, что ЧВК «Волкодав» соорудила для своих нужд небольшой полигон. На нем можно было отрабатывать как вождение, так и ведение огня из скорострельной тридцатимиллиметровой пушки и танкового пулемета Калашникова, спаренного с ней.

Руководители «Волкодава» обещали в случае необходимости беспрекословно предоставлять свой полигон испытателям. Правда, пока те вполне обходились собственным, не столь сложным. Но они уже несколько раз грозились приехать и с пристрастием проверить условия испытаний.

Сам командир боевой группы волкодавов сначала занимался на чужом упрощенном тренажере, а потом и на полигоне. Он как-то легко освоил и управление, и стрельбу. Лесничему не требовалось дополнительных занятий. Но и управлять роботами в боевой обстановке тоже предстояло в основном не ему.

А обучение Сергей Ильич прошел по принципу, согласно которому командир должен уметь в любой момент заменить каждого из своих бойцов. С этим у Лесничего вполне сложилось. Он мог работать шифровальщиком вместо Кравченко, был способен выполнить обязанности штатного сапера группы бывшего лейтенанта Редкозуба. Командиру случалось выступать и в роли снайпера, ведь он стрелял ничуть не хуже Величко. Сергей Ильич постепенно под руководством Суматохи обзаводился далеко не самыми простыми навыками хакера.

Конечно, сами специалисты все это умели делать лучше его. Ну так на то они и специалисты.

Поэтому Лесничий без сомнений оставил Кравченко с Иващенко. Тот являлся штатным заместителем командира, значит, умел делать все, в том числе и отрабатывать навыки управления танком-роботом «Уран-9». Сам же Сергей Ильич спокойно отправился к полковнику Селиверстову.

Полковник сидел за своим столом. В кресле напротив, где обычно устраивался Сергей Ильич, сейчас расположился хакер Суматоха со своим ноутбуком на коленях. Он морщил лоб и поглядывал на монитор.

– Товарищ полковник, командир боевой группы Лесничий по вашему приказанию прибыл, – не называя своего бывшего звания, тем не менее привычно, по-армейски доложил Сергей Ильич.

– Присаживайся. Суматоха, удовлетвори любопытство своего командира. Да и мое заодно.

– Итак... – начал хакер и поднял взгляд. – У меня нет никаких сомнений в том, что полковник Хорхе Джонстон-младший в те самые дни, когда один за другим погибли два инспектора ОЗХО, присутствовал в странах, где они проживали. То есть в Германии и в Норвегии. Естественно, он находился там не по своим документам. Этот субъект расплачивался за гостиницу с банковской карточки, выписанной на имя гражданина США и Греции Николса Папандопулоса. Мне удалось просмотреть переписку Джонстона-младшего через личный электронный адрес. На служебный я выйти тоже сумел, но там вся переписка зашифрованная. Так вот, я обнаружил, что он является страстным коллекционером почтовых марок. Через частный военный пенсионный фонд я сумел добыть номера нескольких банковских пластиковых карт Джонстона-младшего. Он покупал почтовые марки, естественно, за наличные, у других коллекционеров, а деньги снимал со своих персональных карт. Банковские терминалы в Германии и Норвегии в интересующий нас период зафиксировали снятие определенных сумм, весьма немалых, на мой взгляд. Я, честно говоря, не думал, что почтовые марки могут столько стоить. Но это не единственный прокол американского полковника. В электронной переписке Хорхе Джонстон-младший заранее договаривался с коллекционерами, когда он придет за интересующими его марками. Сроки совпадают со временем смерти двух инспекторов ОЗХО. В Норвегии приблизительно в то же время погибли инспектор полиции и эксперт. Правда, коллекционеры живут в других городах. Но я проверял по карте. Оба раза это в пределах не такой уж и длительной поездки на автомобиле. В Германии – два часа пути, в Норвегии – два с половиной. Естественно, мы не имеем возможности доказать виновность полковника Джонстона-младшего. Но очень даже вправе предположить, что он приложил к этому руку.

– А как ты докажешь, что Джонстон и Папандопулос – это одно и то же лицо? – спросил полковник Селиверстов.

– А у меня есть такая необходимость? – почти с одесским акцентом задал Суматоха встречный вопрос. – Мне была поставлена эта вот самая задача?

– Я не про необходимость спрашиваю, – серьезно сказал полковник. – Объясни, как ты идентифицировал эти две личности?

– Это еще одно проявление низкой квалификации американского полковника как разведчика. В бытность свою в Сирии он однажды оплатил счет на терминале, стоящем в американском посольстве. У него не хватило средств на карточке, тогда он добросил денег с другой, принадлежащей якобы Николсу Папандопулосу.

– А если этот господин Папандопулос существует в действительности? Допустим, полковник Джонстон-младший просто попросил его заплатить, обещал потом вернуть деньги наличными или перечислить? – задал вопрос Лесничий.

– У меня, командир, были точно такие же сомнения. Тогда я просто вскрыл список посетителей посольства США в Дамаске. Полковник Хорхе Джонстон-младший имел там постоянный пропуск. Но на имя гражданина США и Греции Николса Папандопулоса такой документ не был выписан ни разу, даже временный или разовый пропуск. Это абсолютно точно. Я порылся в данных визовой службы министерства иностранных дел Сирии. На гражданина Греции Папандопулоса виза открывалась семь лет назад, но того человека звали Адам. Срок визы, кстати, давно истек. Она выдавалась сроком на шестьдесят дней.

- А сейчас этот американский полковник где находится? – поинтересовался Селиверстов.
- В Сирии.

– Хорошо, Егор Петрович. Информация у тебе очень полезная и весьма убедительная. По крайней мере для меня. Что ты хочешь предпринять далее?

– Сначала еще два пункта из графы «Информация, которую я накопал». Четыре года назад полковник Хорхе Джонстон-младший, мама которого была убежденной, даже яростной мексиканской католичкой, а отец – проповедником-адвентистом, хотя и из чернокожих, принял ислам как религию своих африканских предков. Он даже изучал его в течение четырех месяцев на курсах при университете в Принстоне. Они были платными, поскольку обучение там основательное и профессура серьезная. Оплату производило федеральное правительство. Что это может означать, я пока не знаю. Мои предположения мало кому интересны, как я полагаю. Теперь второй пункт из той же самой графы. Не знаю, насколько это вам интересно, тем не менее скажу, что этот самый Хорхе Джонстон-младший ведет в психологическом обществе своего города курсы. Он читает лекции на тему «Психологический портрет личности, определяемый по позе и походке человека». Довольно интересная тема. А для разведчика она достаточно прикладная. Хотя я и не берусь судить о верности тезисов полковника, поскольку с ними не знаком. Но если он сам верит своим словам, то это можно использовать, принимая определенные позы. Это для тех наших ребят, которые будут контактировать с Джонстоном-младшим. Я помню, меня когда-то учили, как обмануть специалиста по физиогномике. Здесь такая же история. Только раздел психологии меняется.

– Да, это интересный вариант, – согласился полковник Селиверстов. – Его, наверное, можно использовать. Я подумаю об этом. Продолжай, Егор Петрович.

– А теперь о дальнейшей моей работе, – заявил Суматоха. – Что намереваюсь найти и уже накопал по дополнительным направлениям. Я добрался сначала до материалов следствия, которое вел инспектор полиции, убитый топором, и нашел в его материалах информацию о том, чем он занимался накануне смерти. Так вот, оказывается, что незадолго до гибели этот человек передал на экспертизу тормозной шланг с автомобиля инспектора ОЗХО, не пережившего аварию. Кому именно? Естественно, эксперту, который выбросился из окна, как вы, наверное, и сами догадались. Но что это за эксперт? Он был лучшим в Норвегии специалистом по самодельным взрывным устройствам. Кажется, я нашел документы, с которыми он работал. Осталось скачать их и передать нашим специалистам-химикам. Там какие-то формулы, которые для меня как телевизор для белки. Может, химики сумеют понять, что за анализ произвел эксперт. Жалко, конечно, что он не успел написать заключение по итогам своей работы. Даже для себя, в своем рабочем компьютере, до которого я тоже добрался. Домашний компьютер эксперта я тоже исследовал. Там нет вообще ничего, относящегося к работе.

– Это все? – спросил Сергей Ильич.

– Нет, командир. Еще я нашел способ сделать полковника Джонстона-младшего в какой-то момент некредитоспособным и заставить его расплачиваться карточкой на имя Папандопулоса. По сирийским законам его могут за это арестовать. Особенно с нашей бескорыстной помощью. Я проверял, посмотрел даже уголовный кодекс Сирии. Задержание там проводится не на семьдесят два часа, как у нас, а сразу на неделю. Потом у них опять все по-своему. Арест на срок до трех месяцев там оформляется не решением суда, а постановлением следственных органов. Нашего американского друга можно будет обвинить в финансовом мошенничестве. Есть у них такая милая статья. Серьезными сроками грозит. Выкрутиться полковник, я думаю, сумеет, но хотя бы неделю сирийцы в кутузке его продержать смогут. Особенно если мы настоятельно попросим их об этом. Чтобы не мешал. И, главное, в самый ответственный момент. Я постараюсь все устроить.

– И как ты это сделаешь? – спросил Сергей Ильич. – Я не выбором момента интересуюсь – уж его-то нам и без тебя заблаговременно подскажут, – а лишением Джонстона кредитоспособности.

– У меня есть номера всех его банковских карточек, все пин-коды и коды выхода в мобильный банк. В нужный момент я со своего собственного смартфона просто сниму со счетов полковника все средства и переведу их, скажем, какому-нибудь обществу защиты животных в тех же США или в Европе, с пометкой «Пожертвование». Карточки я заблокирую. Или же полковник сам это сделает, после того как они будут обнулены. Я мог бы, конечно, и на свой счет перевести эти бабки. Как ни крути, а в общей сложности у него набирается чуть больше миллиона баксов. Но я человек не корыстный и на паршивый зеленый лимон не поведусь. К тому же, несмотря на своеобразное прошлое, я, честно говоря, не имею криминальных наклонностей. Да и найти меня тогда можно будет без труда. Просто по номеру счета. Работа для хакера-школьника.

Такой вот метод выглядел откровенно уголовным, но это никого не смутило. Разведки всего мира зачастую предпочитают работать именно так. Почему бы частной военной компании не взять их за образец, особенно при хоть какой-то необходимости? Такие методы никого не смущают. Джентльменство и чистоплюйство в разведке считаются недостатком воспитания. Это давно и хорошо всем известно.

– Дело хорошее, – согласился Лесничий. – Держи эти данные под рукой. Если Хорхе Джонстон в какой-то момент будет нам сильно мешать, то мы его сначала устраним на время. А потом и навсегда.

– Договорились, – заявил полковник Селиверстов. – Занимайся пока документами «летающего эксперта». Я пока поищу сначала специалиста по физиогномике, а потом подберу тебе, Егор Петрович, исходные данные для нового поиска. На сей раз намного более серьезного.

– Что будем искать, товарищ полковник?

– Кто и откуда химическое оружие в Сирию поставляет.

– Сирийской армии? Мы, наверное.

– Надеюсь, это шутка, – строго заметил полковник Селиверстов. – Крайне неудачная, надо сказать.

– Конечно, шутка, товарищ полковник. – Суматоха хмыкнул себе под нос, острый и хитрый.

– По данным агентурного отдела ГРУ, у террористов ИГИЛ на сегодняшний день есть завод по изготовлению хлорных боеприпасов, пусть и кустарным способом. У них было два таких предприятия, одно уничтожено нашими военно-космическими силами. Но в западной прессе снова муссируется вопрос о том, что правительство Сирии передало ОЗХО не все запасы химического оружия, оставило себе часть контейнеров с ипритом и заринном. Вот такая конкретика присутствует. Согласно нашим данным, полученным от аналитиков, а не от агентуры, готовится провокация с использованием именно этих отравляющих веществ. Вполне вероятно, что они будут применены ИГИЛ против так называемой умеренной оппозиции, но пострадает при этом в большей степени мирное население. Ответственность будет взвалена, естественно, на официальные сирийские власти. Сейчас все усилия российских спецслужб направлены на поиск реальных каналов поставки химического оружия ИГИЛ. Как только они будут определены, группа волкодавов немедленно выедет на место, именно туда, где все это происходит.

– А какая конкретная задача нам ставится, товарищ полковник? – поинтересовался Сергей Ильич.

– Сорвать провокацию, постараться не допустить обстрела мирных кварталов, а еще лучше – добыть неопровержимые доказательства того, чьих рук это дело. В этом вам придется положиться на помощь разведки сирийского генштаба и отдельных корпусов. Без них

вам трудно будет ориентироваться в том, что там происходит. В Сирии все слишком сложно. Настолько, что аналитики ГРУ, ФСБ и СВР не в состоянии дать адекватную оценку любому процессу, происходящему в этой несчастной стране. Они предполагают одно, а на деле происходит совсем другое. Нашим людям, работающим там, постоянно приходится проявлять повышенную осторожность, потому что в любой момент можно нарваться на предательство. Проще опираться на этнические или религиозные группы, чем на официальных лиц, как мне кажется. Но лучше не сближаться с курдами, потому что их поддерживают американцы. Курды давно и очень активно настаивают на предоставлении им автономии. Это может пойти вразрез с мнением нашего политического руководства. В общем, сами на месте ориентируйтесь. Опыт работы в Сирии у вас есть. И не забывайте о главном поручении, то есть о вывозе тел погибших офицеров. Почему эти две задачи совмещены? Согласно данным разведки, тот отряд, так называемой умеренной оппозиции, который захватил тела на месте падения вертолета, сам эту машину не сбивал. Его уничтожили силы «Джебхат Фатех аш-Шам», стоящие рядом. Это новое название «Джебхат ан-Нусры». Потом эта вот оппозиция продала тела тем негодьям, которые сбивали вертолет, – по сто тысяч долларов за каждое. А «Джебхат Фатех аш-Шам» теперь пытается получить за каждое из них по миллиону долларов. К этому, как нам известно, приложил руку все тот же полковник Джонстон-младший. Он тесно сотрудничает с отрядом «Джебхат Фатех аш-Шам», поставляет им «Стингеры» – хотя это и не доказано – и химические боеприпасы, – а это вам требуется подтвердить. Все сосредоточено в одном месте. Где, скоро выяснится. Тогда и начнете работать.

– Задачка из списка под названием «Ни себе хрена!», – прокомментировал слова Селиверстова Суматоха и с хрустом почесал затылок, показывая, как усердно он думает о выполнении такого вот непростого поручения.

Задача им и в самом деле была поставлена весьма своеобразная. При всей парадоксальности такого утверждения она оказалась и невнятно широкой, почти неопределенной, и сугубо конкретной.

Волкодавам предстояло доказывать не данные разведки, а выводы аналитиков. Такое поручение давало боевой группе широкое поле для поиска и активной деятельности, позволяло не ограничиваться узкими рамками, не замыкаться на отдельных участках.

А конкретика сводилась к поиску и нейтрализации некоторых людей. Из них волкодавам пока известен был только один – полковник Хорхе Джонстон-младший. Он, естественно, не мог быть шестеркой в этом деле, но и партию первой скрипки в силу своего положения тоже не исполнял.

Такие серьезные провокации всегда проводятся под куда более высоким патронажем. Люди, осуществляющие их, способны влиять на мировую политику, извлекать конкретную пользу для себя из ситуации, сложившейся после завершения такого вот грязного дела.

Такие персоны доверяют американскому полковнику разве что роль исполнителя. Но даже при этом он должен прекрасно понимать, что в случае провала станет для своего государства чужим человеком. Оно без проблем откажется от него.

– Я думаю, что какие-то серьезные люди заставили его принять ислам, – проговорил Сергей Ильич. – Они сделали это совсем не случайно. Нет, не потому, что думали использовать этого человечка именно в Сирии. Он мог пригодиться своим хозяевам в любом месте на Ближнем Востоке. Там сейчас практически каждая страна – очаг напряженности местного, а то и международного уровня. Согласившись на это, полковник Джонстон решил пойти ва-банк, стал считать себя неуязвимым и всемогущим. Или же он, наоборот, сдался, поскольку отказаться от задания, обладая определенным запасом информации, никак не мог. Это значило бы сразу подписаться под собственным смертным приговором. При этом наш герой обязан был понимать, что такого носителя информации, как он, свои же спецслужбы могут ликвидировать по окончании задания, во избежание разглашения целой кучи страшных тайн.

– У меня тоже появилось такое ощущение, только я не стал о нем говорить, – заявил оперативный хакер Суматоха. – На него, в связи с принятием ислама, если дело провалится, легко можно будет списать все действия, за которыми стоят фигуры поважнее. Эти персоны скажут, что он проникся духом исламизма, стал помогать врагам. Ладно, пойду к себе в комнату. Мне в одиночестве работается легче. – Хакер встал и закрыл ноутбук, но оставил его включенным.

Поднялся и Лесничий.

– Если что, товарищ полковник, я на полигоне буду, – заявил он. – Машину я туда отослал, пройду пешком.

Идти до полигона было недалеко, около двух километров. На улице стояла жара, но Сергей Ильич к ней, как и к морозу, относился с привычным равнодушием. Ходить пешком он вообще любил и не считал такую прогулку потерей времени.

Но Лесничий не успел пройти даже половину пути, как ему снова позвонил полковник Селиверстов.

– Катаешься на танке, Сергей Ильич? – спросил он.

– Никак нет, товарищ полковник. Только собираюсь. Еще до первой позиции полигона не дошел. Я вам нужен?

– Можно и по телефону вопрос решить. Я тут посмотрел расписание занятий волкодавов на завтра. Плотный у вас график.

– Так точно, товарищ полковник, график у нас плотный. – Командир боевой группы сразу понял, о чем пойдет речь.

Такое уже случалось несколько раз, и разговор всегда начинался с расписания. Полковник Селиверстов опять думал о подготовке своих людей к новому заданию. Он наверняка нашел какого-то крутого специалиста, готового натаскать их в чем-то таком, что необходимо будет на этот раз.

Но всегда получалось так, что именно специалист решал, в какое время он может заниматься с волкодавами. Командир ЧВК не мог пригласить его в часы, свободные от других занятий.

Поэтому Лесничему приходилось перекраивать расписание занятий в ущерб каким-то конкретным дисциплинам, чтобы послушать человека, общение с которым полковник Селиверстов считал необходимым для всех. Но командованию всегда виднее, что требуется подчиненным. Поэтому армейские правила, оставшиеся в силе в частной военной компании, Лесничий никогда не оспаривал. В том числе и на этот раз.

– Сколько времени потребуется этому человеку?

– Совсем немного. Преподаватель запросил всего лишь академический час, то есть сорок пять минут. Он будет строго конкретен и ничего лишнего говорить не станет. Постарается уложиться. Серьезный человек.

Все занятия традиционно проходили парами, и выделить два академических часа было легче, чем один. Но если возникали такие ситуации, то Сергей Ильич свободный час отдавал группе на самоподготовку. Волкодавы умели ценить свободное время и обладали повышенным чувством ответственности. Потому командир группы не сомневался в том, что его люди не проспят этот час.

– В какое время преподавателю удобнее?

– Он просил с одиннадцати до двух.

– Ответ требуется дать срочно?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Тогда я сейчас возвращаюсь в жилой корпус, ориентируюсь по расписанию, после чего сообщу вам. А что за лекция?

– Профессор психолог Колыванов из Военно-дипломатической академии будет говорить о стереотипах поведения людей. Внешне тема скучнейшая, но для нас необходимая. В частности, профессор разберет позы и походку. То, что преподает полковник Хорхе Джонстон-младший. Будете учиться усыплять его и мою бдительность. Это на случай очной встречи и беседы, хотя таковые вовсе не обязательны, как я понимаю. Догадываюсь, что парням из твоей группы, Сергей Ильич, легче будет в чем-то убедить полковника кулаком и стволом. Что касается меня, я на стереотипах поведения не помешан, но к людям обычно присматриваюсь.

– Понял, товарищ полковник. Минут через десять я все выясню и позвоню вам.

Волкодавам уже доводилось готовиться к экстренной внеплановой командировке в срочном порядке. Спешка тогда была сильная, хотя и не сумбурная. Сейчас ничего такого не наблюдалось. Шла целенаправленная, заранее продуманная подготовка к работе.

При этом никто не знал, когда наступит час «Х», в который бойцам придется вылетать на место грядущих событий. Этого не ведали ни сами волкодавы, ни их командир, ни даже высокопоставленные чиновники силовых структур, курирующие работу хитрой частной военной компании.

Время это зависело уже не от них, а от того, когда противник решит, что пора бы начать шевелиться. Агенты российских спецслужб определяют этот момент, не пропустят его. Поступит срочная команда. Тогда, в любое время дня или ночи волкодавы в полном составе при всем вооружении вылетят туда, куда им будет указано.

Но пока особой спешки в их действиях не было.

Глава 4

Утром волкодавы два часа просидели в классе на занятии по теории минометной стрельбы в условиях горной местности. Потом они еще час провели в спортивном зале. Парни старательно избивали сначала тренажеры-манекены, а потом и друг друга.

Но второй час этих занятий Лесничий, к немалому общему неудовольствию, отменил. Он посчитал, что рукопашкой бойцы его группы и без того хорошо владеют, и отправил их в компьютерный класс, где обычно проводились все теоретические занятия.

На них, как правило, присутствовали все, разумеется, кроме тех, кто в данное время выполнял какое-то задание. В этот раз отсутствовал Суматоха. Он сидел за ноутбуком в своей комнате. Там хакеру было удобнее работать, нежели в компьютерном классе.

Тем не менее из-за одного волкодава занятия никто отменять не намеревался. Лесничий не стал бы делать этого даже из-за трех человек.

Лектора в аудиторию привел сам полковник Селиверстов. Ученый муж был в полковничьем мундире, сидящем на нем немногим лучше, чем выглядел бы мешок с пришитыми к нему рукавами и погонами.

Двух полковников сопровождали три громадных ирландских волкодава. Милые животинки принадлежали командиру ЧВК и являлись символом этой структуры для всех, кто проходил здесь службу. Собаки были общими любимцами. Они чувствовали себя на базе ЧВК «Волкодав» равными среди равных, уважали всех и требовали взамен спокойного, без сюсюканья, уважения к себе.

Сам Георгий Игоревич как-то обмолвился в разговоре с Лесничим, что подыскивает художника, который сможет сделать стилизованный профильный портрет такого пса для наружной эмблемы сотрудников ЧВК. Наверное, штучка могла бы получиться красивая.

Лектор, похоже, к своему высокому воинскому званию относился с изрядной шутливостью. Он куда легче воспринимал обращение «профессор», чем «товарищ полковник».

Так к нему и обращался полковник Селиверстов, который вместе со своими собаками, кажется, вознамеривался прослушать лекцию. По крайней мере, он спокойно занял место за столом, самым дальним от лекторской кафедры. Его волкодавы видели это и смирнехонько улеглись рядом.

Конспектировать лекцию никто, естественно, не намеревался. Вообще-то, согласно положению о прохождении службы в частной военной компании, бойцы имели право писать на занятиях конспекты, но только в прошитых и опечатанных тетрадах, которые должны были храниться в секретной части. Такие тетради имелись у каждого волкодава. Но постоянно получать ее под роспись, потом таким же порядком сдавать прапорщику-секретчику на хранение, опять брать, если потребуется прочитать материал или просто что-то уточнить, – слишком много заморочек.

Гораздо проще было все внимательно слушать и запоминать. Память в секретную часть никто и никогда не сдавал. Да и большинство дисциплин, по которым проходили постоянные занятия, были прочно изучены и освоены каждым из волкодавов еще в бытность свою в армии. Потому на этой лекции тетрадей на столе просто не было.

Только Сергей Ильич Лесничий и Георгий Игоревич Селиверстов приготовили свои мобильники, чтобы записать лекцию на диктофоны и иметь возможность потом прослушать ее еще раз, если это вдруг понадобится. В положении о прохождении службы не упоминался запрет на использование диктофонов на занятиях. Значит, и сдавать их в секретку необходимости не было. Кроме того, сама лекция априори не носила секретного характера.

– Все уселись? – спросил полковник-профессор, вытащил из футляра очки, надел их на нос, осмотрел собравшихся, после чего снял и убрал назад.

Футляр он положил на стол.

– Люди уселись, собаки улеглись. Все готовы слушать, – за весь класс ответил снайпер Величко.

Он вообще был человеком легким на язык и любил говорить за всех.

– Тогда я приступаю, – сказал профессор Колыванов. – Говорю и для сидячих, и для лежащих. Кто лучше поймет, время покажет. Но давайте-ка я начну именно с собак. Вот, скажем, вы идете по улице, навстречу знакомая старушка с маленькой собачкой. Вы останавливаетесь, со старушкой разговариваете, потом наклоняетесь и гладите зверушку. Она на вас не лает, не бросается. Но вот рядом проходит какой-то крупный детина. Он вдруг шарахается от этой мелкоты, а она оскорбительно лает ему вслед. Почему, спрашивается, животное стало лаять не на вас, а на человека, который ее едва заметил в последний момент, можно сказать, чуть не наступил башмаком сорок последнего размера? Кто-нибудь сможет мне эту ситуацию объяснить?

– Собака хорошо чувствует отношение к себе. Доброе оно или нет, – ответил полковник Селиверстов, хорошо разбиравшийся в подобных вопросах. – Кроме того, есть и еще целый ряд факторов. Большие размеры человека вовсе не говорят о том, что этот субъект не боится собак. Может, его в детстве овчарка покусала, и с тех самых пор в нем живет постоянная боязнь этих животных, причем не только больших, но и самых мелких. Такое вполне реально. Один человек не постесняется собаку стороной обойти, а другой свои чувства показать не пожелает, пойдет прямо, но бояться будет. А когда человек испытывает страх, у него выделяется адреналин, называемый еще и гормоном трусости. Для человеческого носа он никак не пахнет, вот по собачьему просто бьет со страшной силой. Но этот же гормон выделяется и в момент агрессии. Собака не всегда бывает способна отличить от нее трусость. Поэтому она предпочитает себя обезопасить, проявляет ответную агрессию. У больших собак это выражается в повышенной настороженности, у мелких – в истошном лае и даже в нападении. Ведь агрессивность в психологии рассматривается, насколько я знаю, тоже как вариант трусости.

– С точки зрения психологии собаки вы, наверное, мыслите верно, уважаемый товарищ полковник, – сказал профессор Колыванов. – Это неудивительно, потому что собак вы любите и, видимо, очень даже неплохо знаете.

– Лестно слышать о себе такое, товарищ профессор, только это не мои мысли. Таково утверждение самого крупного зоопсихолога современности, лауреата Нобелевской премии профессора Конрада Лоренца. Тот человек, который плотно занимается собаками, не может его не знать.

– Тем более, – согласился профессор. – Да, с точки зрения собаки, это верные мысли. А вот с человеческой есть и другие соображения. Ими здесь пренебрегать никак нельзя. Все мы знаем, что между хозяином и собакой существует очень сильная невидимая связь, которая делает их даже внешне похожими. Собака всегда много берет от хозяина. Если человек возбудимый, агрессивный, то у него и собака такая же. И наоборот. Но в данном случае я хочу обратить ваше внимание на одну деталь, напрямую относящуюся к теме нашей сегодняшней беседы. Собачка, про которую я говорю, маленькая. Чтобы погладить ее, человек вынужден наклониться. Не только вы, но и кто угодно другой. У собаки вырабатывается условный рефлекс. Она знает, что после наклона человека последует ласка. Поэтому собака вас понимает и принимает за своего. Я возвращаюсь к теме нашей сегодняшней беседы. Собака распознала вашу позу. Вот главный вывод. Допустим, вы наклонились бы с дистанции и просто сделали бы вид, будто что-то поднимаете с земли. В этом случае собака была бы вправе подумать, что вы берете камень, чтобы бросить его в нее. Это пробудило бы ее агрессию. Так же точно и знающие люди умеют по позе или по походке распознать не только сиюминутное состояние человека, но и вообще составить о нем такое же четкое мнение, как после часовой беседы с глазу на глаз. Конечно, специалисты, составляя психологический портрет личности по ее внешним

признакам, обычно утверждают, что труднее всего бывает анализировать позы и походку человека. Я соглашусь с тем, что эти элементы и в самом деле дают мало информации о характере личности. Тем не менее, внимательно присмотревшись к позе собеседника в какой-то конкретный момент, можно сделать вывод о том, насколько внимательно он относится к вашим словам и вообще к вам как к личности. Походка, соглашусь, чуть менее информативное понятие. Но она тоже может оказаться полезной для наблюдательного человека. Вот я и приглашаю вас вместе попытаться разобраться в некотором наборе поз и действий, которые для самого индивида естественны, а для вас могут оказаться источником информации. Или, наоборот, послужить причиной ошибки. Все зависит от ситуации и необходимости тех или иных действий. Но, повторяю, это умение, эти, скажем так, навыки, могут применяться и в том, и в другом случае. Давайте-ка я вам перечислю некоторые самые характерные признаки, по которым психологи стараются составить представление о том или ином индивиде. Если, предположим, человек всегда старается стоять, широко раздвинув ноги, это обычно означает, что у него проблемы с самоутверждением. Такой человек нуждается в повышении самооценки. Он стремится такой вот чисто внешней устойчивостью компенсировать чувство собственной неполноценности, переполняющее его.

Теперь такая ситуация. Допустим, кто-то из вас вернулся со сложного задания. Оно выполнено не самым лучшим образом. Есть возможность пойти еще раз, что-то доделать, исправить. Командир вправе по внешнему виду решать, послать ему снова того же самого бойца или подобрать замену. Это легко определить. Надо только подставить человеку кресло, если оно есть, или хотя бы стул и проследить, как он усядется. Стремление занять самую удобную и способствующую расслаблению позу всегда говорит о той усталости, которую сам человек даже не замечает и чаще всего будет отрицать. Но она есть обязательно и может подвести в самый неподходящий момент. Усталость уже начала накапливаться, грозит подойти к самому краю. Но когда это произойдет, может оказаться поздно искать замену. Организм человека заранее сообщал о своем не самом лучшем состоянии. Командиру необходимо было внимательнее присматриваться к этим сигналам. Организм всегда лучше своего хозяина знает собственное состояние и свои предельные возможности.

Теперь давайте рассмотрим другой вариант. Вы даете кому-то конкретное и серьезное задание. Как он слушает вас, в какой позе? Если человек сидит на краешке стула в напряжении, с прямой спиной, обычно это означает, что он сконцентрировался, слушает вас внимательно и готов к действию. Такая вот поза человека говорит о его склонности к буквальному исполнению приказа, без излишней самостоятельности. Если же человек, напротив, расслаблен, откинулся на спинку стула и выглядит мягкотелым, то это может означать, что он уже уловил главную суть задания, теперь уже не слушает, а думает, как будет выполнять его, но по-своему, а не так, как приказано. Это своевольный человек, не склонный к абсолютной дисциплине. Командиру, который дает задание, следует это знать, думать, на что можно рассчитывать в том или ином случае.

– Этот момент, товарищ профессор, не может иметь отношения к спецназу ГРУ, – проговорил Лесничий, который машинально соотнес наставление профессора со своей прежней службой.

– А я разве сейчас имею дело со спецназом ГРУ? – спросил Колыванов и с нескрываемым удивлением посмотрел на полковника Селиверстова. – У нас ведь шел разговор о лекции для бойцов частной военной компании «Волкодав», если я не ошибаюсь.

Сергей Ильич сразу заметил свой прокол и постарался исправить его.

– Мы все здесь – бывшие офицеры спецназа ГРУ. И принесли с собой традиции прежней службы. Они у нас в крови, – проговорил он. – А большинство офицеров спецназа ГРУ будет держать себя расслабленно во время получения приказа. Напряжение, как нас учили, должно

проявляться только в момент приложения усилий, иначе организм преждевременно начинает чувствовать усталость.

– Возможно, вы и правы. – Профессор Колыванов не стал возражать и настаивать на своем, несмотря на полковничьи погоны.

Впрочем, его, наверное, предупредили о том, что ЧВК «Волкодав» не входит в состав Министерства обороны. Поэтому его полковничьи погоны не будут иметь здесь такого значения, как в армии.

– Лекция моя носит самый общий характер, но военные люди могут выудить из нее что-то конкретное, важное для себя. По крайней мере я надеюсь на это. Вообще я читаю курс в Военно-дипломатической академии. Там он считается необходимым и полезным. Надеюсь, пригодится и вам.

Но позвольте мне вернуться к нашей основной теме.

Предположим, вы беседуете с человеком через стол. При этом он свои руки держит опущенными, прячет от вас. Обычно это характерный признак личности, которая откровенно в себе сомневается. Человек не уверен в том, что вы поручаете ему реальное задание, отдаете приказы, которые можно выполнить. Это классика жанра, как говорится. Обычно такое наблюдение дает возможность сделать стопроцентно верные выводы.

А вот вам другой вариант беседы через стол. У вашего собеседника ноги просто скрещены, не заброшены одна на другую в вольной позе, или же просто плотно прижаты одна к другой. Это уже говорит о том, что вы беседуете с педантом и аккуратистом.

Но точно так же держит ноги и человек, оказавшийся в затруднительном положении. Он, возможно, даже подспудно, надеется на то, что вы в состоянии помочь, решить какие-то проблемы, с которыми ему самому не управиться.

Во всех этих позах необходимо обращать внимание на детали. Важно применять комплексный подход, поскольку иногда одна деталь в поведении человека противоречит другой. Учитывайте, что это необязательно говорит о противоречивости характера, скорее свидетельствует о наличии разных подражательных привычек. Но выделять следует главное, доминантное.

Так, расправленные плечи говорят об одном, сутулость и взгляд в пол – о другом. Если, к примеру, ваш собеседник откинулся на спинку кресла или стула, вытянул ноги или забросил одну на другую, руки держит так, словно всегда готов раскинуть их в удивлении, то этот человек в беседе с вами чувствует себя хозяином положения, хотя необязательно это показывает. В лучшем случае он лишь слегка высокомерен, обычно относится к вам с легким пренебрежением и не полностью верит вашим утверждениям. Он привык слушать только себя, считает, что другие люди не имеют права сомневаться в полной истинности всех его утверждений. Этот субъект часто говорит наперекор вам. А если и молчит, то думает именно так.

И последний пример с человеком, сидящим напротив вас. Если у него приподняты плечи, даже чуть-чуть, едва заметно, локти норовят развернуться или же руки слегка согнуты, то это говорит о непонимании человеком ситуации, о его определенном недоумении и неверии в то, что он слышит.

Вся эта наука – а это, уверяю вас, именно она и есть, а вовсе не случайные наборы различного поведения человека – занимается вопросами межличностной коммуникации. Она, по большому счету, призвана помочь людям найти взаимопонимание, особенно в конфликтных и просто острых ситуациях. Пригодна данная прикладная наука и для работы разведчиков, поскольку, как я понимаю, ни один из них не может собственными глазами увидеть и узнать все, что ему требуется. По статистике выходит, что около пятидесяти процентов информации добывается в межличностных разговорах. Необязательно с осведомителями. Не мне вас, практиков, учить, тем не менее вы все должны хорошо знать, как именно можно пра-

вильно построить разговор с кем-либо и получить много интересных сведений. Знание скрытого смысла характерных человеческих поз может вам в этом существенно помочь.

Существует общепринятая классификация поз при общении. Какие-то из них люди принимают довольно часто, другие – намного реже, но все они всегда несут определенную смысловую нагрузку.

Позы разделяются, например, по моменту общения. Я говорю о тех из них, которые характерны для начала или завершения беседы.

Они разнятся по психологическому состоянию. Поза бывает напряженная, раскрепощенная, активная или пассивная. Человек, грубо говоря, может стучать кулаком по столу или прятать проблему в себе, переживать ее, но стараться не показывать этого.

Важна направленность от человека к человеку, то есть говорится что-то в лицо или в затылок. Позы показывают общее внутреннее отношение одного персонажа к другому, иначе говоря, симпатию или антипатию, подчинение или сопротивление таковому, желание общаться и прочее.

Надо обращать внимание на внешнее соответствие беседующих лиц друг другу. Смотрите, одну и ту же позу они принимают или разные. Этот момент тоже может помочь вам сделать правильные выводы.

На практике, чтобы выстроить нормальную коммуникационную линию общения, обычно рекомендуется принимать одинаковые с собеседником позы. При этом они могут быть и прямыми, и зеркальными. Обычно соответствие поз двух людей говорит о том, что их взгляды во многом совпадают, а вот разные позы как раз свидетельствуют об обратном.

Здесь рекомендуется учитывать время, которое собеседники проводят вместе. Чем дольше они будут находиться в одинаковых позах, тем лучше научатся взаимодействовать и понимать друг друга. Возрастет уровень доброжелательности одного человека по отношению к другому. Это проверенный вариант.

– А если собеседник начнет пальцем в носу ковырять? – спросил Иващенко и хохотнул. – Я тоже должен повторять? А ведь у меня такие пальцы, что даже мой не самый мелкий нос разворотят! – Он поднял руку с раскрытой ладонью, демонстрируя кисть, где даже мизинец был похож на полицейскую дубинку.

– Иващенко, давай-ка мы сейчас без твоих обычных шуточек обойдемся! – строго прикрикнул полковник Селиверстов. – А то мои собаки смеяться не умеют. Они только лают. А мы можем неправильно понять их.

Профессор Колыванов не обратил никакого внимания на шутку гиганта-волкодава. Наверное, на каждой лекции находились люди, желающие вставить свое слово, веское на их взгляд. Поэтому профессор давно привык к подобным вывертам.

Он продолжил, не отвечая Иващенко, хотя тот вроде бы и задал вопрос:

– Своими действиями вы можете вызвать у человека взаимное понимание, уважение, заставить его смущаться и оправдываться. Вы сумеете вызвать его на откровенность, которая данному конкретному человеку, в общем-то, совершенно чужда.

Учитывайте, что позы, характерные для того или иного индивидуума, часто говорят о том, в каком состоянии этот человек чаще всего пребывает. Отталкиваться при налаживании контакта следует в первую очередь именно от понимания этого аспекта.

Я уже говорил, что вам следует предпринять в первую очередь. Это повторение позы. Прямое оно будет или зеркальное – этот момент не имеет большого значения. Если вы примете позу собеседника, то он может даже и не заметить этого. Но вы автоматически войдете в тот диапазон электрических волн, на котором в данный момент работает его мозг.

Не могу сразу не сказать вам о том, какая поза считается открытой, какая – закрытой. Вы должны знать, что заставить разоткровенничаться закрытого человека даже повторением его позы чрезвычайно сложно, если возможно вообще. При открытой позе человек поворачи-

вается к собеседнику не только лицом, но и всем телом. При этом он смотрит ему в глаза, не скрещивает ноги, не сжимает кулаки и не прячет руки за спину. Обычно принято считать, что такая поза говорит о проявлении симпатии к собеседнику и способствует установлению контакта.

Хотя здесь есть существенная оговорка. Человек, имеющий право командовать, например старший офицер или просто ваш прямой руководитель, может в таком же плане отдавать вам приказы и распоряжения. В этом случае следует обратить внимание на короткую, однако существенную деталь. Если руководитель не испытывает особой симпатии к подчиненному, то он, отдав распоряжение, сразу же резко отвернется. Если испытывает, то будет так же прямо смотреть на человека, от которого ждет выполнения приказа.

Кроме того, в закрытой позе человек, как правило, слегка отстраняется от собеседника. Иногда он держит скрещенными руки и ноги.

Если ваш собеседник это делает, то его поза точно закрытая. Он вас не воспринимает.

И вообще на отстранение тела, в первую очередь головы, стоит всегда обращать внимание. Это однозначно говорит о том, что человек не желает с вами общаться. Если же он наклоняется к вам, то это обычно свидетельствует о противоположном отношении.

Здесь стоит упомянуть один момент, непонятный для психологов. Как правило, любят наклоняться к собеседнику люди, имеющие неприятный запах, особенно изо рта. Скорее всего, они сами его не ощущают, не понимают, почему люди стремятся отстраниться от них. Такие персонажи пытаются приблизить к собеседнику свое лицо, чтобы понять его нежелание общаться с ними.

Но вообще следует помнить, что если отношения между собеседниками не складываются с первого раза, то они не будут хорошими и в дальнейшем. Если вы стремитесь избежать этого, то вам крайне важно в первые же секунды разговора определить собственную позу.

Повторяю, если вы сразу встретили неприязнь, то сломать ее бывает достаточно сложно. А само это отношение некоторые позы показывают достаточно явственно. Например, знаменитое положение «руки в боки». Или же они скрещены на груди. Эти позы, особенно вторая, обычно говорят о том, что человек опасается вас, боится, что вы протянете ему руку для приветствия. А он не желает пожать ее.

Хотя причиной такого вот нежелания может быть и простая брезгливость. Человек только что руки вымыл и видит, что у вас они грязные. Или высокомерие. Такой человек далеко не каждому руку подаст. Да и вообще оппонент может считать вас, как говорится, нерукопожатным. Это его суверенное право.

Необходимо еще учитывать, что существует значительная разница в поведении, зависящая от пола вашего оппонента. Если неприязнь мужчины к мужчине заставляет человека замереть на месте, то антипатия к женщине вынуждает его совершать частые движения всем телом. Сама же женщина в такой ситуации поворачивает корпус вне зависимости от пола собеседника. Если разговор проходит в сидячем положении, то мужчина, как правило, сильно напрягается и даже замирает. Женщина старается держаться раскованно, откидывается на спинку кресла, ведет себя слишком уж вальяжно.

Но это все внешние признаки. Мы же собираемся перейти к действиям, производить которые позволяет именно знание таковых. Теперь поговорим о практическом применении тех самых вещей, о которых я вам только что коротко рассказал.

Знать теорию – хорошо. Без нее, сами понимаете, в любом деле никуда не продвинуться. Каждый человек в курсе, что противника следует бить кулаком в челюсть, чтобы его победить. Однако из целой сотни только пятеро умеют правильно делать это.

Но каждый раз изобретать что-то для применения теории – непростительная роскошь. К тому же при неудачном выборе она способна сорвать все ваши замыслы или хотя бы существенно осложнить их воплощение.

В нашем случае коммуникация только тогда может считаться удачной, когда она дает устойчивый результат. Использование той или иной позы зависит от задачи, которую вы перед собой ставите. Они могут быть разными. Но чаще всего, учитывая специфику вашей службы, вам требуется оказать на человека мощное давление или расположить его к себе и вызвать на откровенный разговор.

Для того чтобы найти взаимопонимание с человеком и даже вынудить его оказать вам поддержку, вы должны принимать открытые позы. Необходимо повторять жесты собеседника, но только к месту, а не просто так, не передразнивая его. При этом вам стоит слегка наклоняться вперед, в его сторону. Обычно это вызывает чувство доверия. Но здесь тоже важно не переусердствовать, чтобы собеседник не понял вас неправильно и не подумал, что вы лезете к нему целоваться.

Это главное, что я намеревался вам сообщить. Осталось только поговорить про походку, но время занятия у нас вышло. Право выбора за вами. Я найду время и проведу еще одно часовое занятие или прямо сейчас, совсем коротко, дам вам базовые понятия, и на этом закончим.

Что скажет полковник Селиверстов?

– Что скажет командир боевой группы? – Начальник ЧВК «Волкодав» ловко перевел стрелки на Лесниченко.

Сергей Ильич долго не думал. Он лучше других понимал, что при работе в чужой стране, при незнании языка и необходимости часто пользоваться услугами переводчика, те знания, которые давал им полковник Колыванов, едва ли могут понадобиться. Но если командование решило, что это необходимо, то полностью отказываться от занятий невозможно. Лесниченко хотелось лишь максимально укоротить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.